

УДК 338

Миф политической функциональности исторической памяти в современных условиях

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В статье представлен анализ прагматических мотивов, побуждающих сегодня гражданские общества и властные элиты в нашей стране и по всему миру менять свое отношение к собственной исторической памяти и к своим мифологическим представлениям о ее политической функциональности. Отдельное внимание уделено парадоксу, имеющему место в российской и зарубежной либерально-демократической политике. Суть его состоит в том, что активное использование элитами и гражданскими обществами сюжетов и механизмов исторической памяти для решения тактических задач текущей политики сопровождается сегодня в нашей стране и в других странах общим падением их интереса к ее возможности быть стратегическим ресурсом современной политики и падением доверия к ее показаниям. В статье предложено авторское объяснение природы и вероятных последствий этого парадокса для современной либерально-демократической политики в России и мире целом.

Ключевые слова: либеральная политика, историческая память современных обществ, социально-политический миф

Поступила в редакцию: 20.04.2020 / Принята: 24.04.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

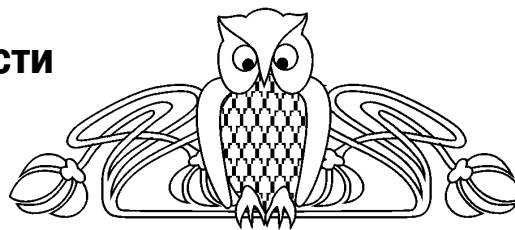
Myth of Historical Memory's Political Functionality in the Present Context

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article presents analysis of pragmatic motives that stimulate civil societies and governing elites in our country and throughout the world to change their attitude to historic memory and mythological views on its political functionality. Special attention is paid to the paradox taking place in Russian and foreign liberal and democratic politics. It means that using mechanisms of historical memory in order to achieve tactical goals of the current policy is accompanied with general decrease of elites and civil societies' interest to historical memory's ability to be a strategic resource of modern politics and with decrease of credibility of its indicators. The author offers his own explanation of the nature and possible consequences of such a paradox for contemporary liberal and democratic politics in Russia and in the whole world.

Keywords: liberal politics, historical memory of modern societies, social and political myth.

Received: 20.04.2020 / Accepted: 24.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332>

За долгую историю рода человеческого утверждение, что «без прошлого нет настоящего и будущего» стало восприниматься большинством людей как аксиома. Применительно к сфере политики смысл этого афоризма можно раскрыть так: знай, человек, свое прошлое, при решении текущих проблем активнее апеллируй к опыту предков, не сомневайся в ценности традиций, и тогда в своем политическом развитии ты не собьешься с пути, ведущего к поставленным тобой позитивным целям!

Притом что не всегда жизнь подтверждает правильность этой аксиомы. В современном мире есть государства и нации с относительно недолгой и далеко не самой славной своими достижениями историей, которым это не мешает решающим образом влиять на ход дел в мировой политике и экономике и даже заявлять претензии на единоличное глобальное лидерство. Есть, с другой стороны, политические сообщества с длительным и богатым политическими и культурными достижениями прошлым, с тысячелетней историей государственности, наследники древних и средневековых цивилизаций, которым все это наследство помогает развивать туризм, но не обеспечивает, однако, динамики и уровня прогресса, нужного для полноценного участия в мировой политике и мировых экономических процессах. Есть страны, их сегодня особенно много на постсоветском пространстве, гражданские общества и элиты которых предпочитают в своем прошлом видеть помеху и источник политических, экономических и культурных проблем для своего настоящего и будущего. Есть и такие общества и элиты, как в России, например, которые сегодня предпринимают целенаправленные усилия к тому, чтобы актуализировать знание о своем богатом и славном прошлом, чтобы сделать его источником мотивации к движению социально-политической системы вперед. Получается это у них с переменным успехом, но намерения очевидны.

Это разнообразие в реальном положении дел не является, тем не менее, для большинства людей в современном мире поводом ставить

справедливость и ценность упомянутого афоризма под сомнение. В нашей стране он, в разных формулировках, художественных и научных, публицистических и религиозных, является неременной частью официальных, а также неофициальных консервативных, социалистических, иногда даже либеральных патриотических дискурсов. Афоризм этот кочует по научным и медийным текстам, по социальным сетям и каналам бытовых коммуникаций. Он характеризует идеологию различных концепций и программ патриотического воспитания российских граждан, немалое число которых появились на свет за три постсоветских десятилетия.

Причина его устойчивости в том, что в данном случае понятие «прошлое» обозначает не событийную сторону исторического процесса. Оно обозначает то, что мы об этих событиях знаем и помним, а также тот смысл, который мы этим событиям придаем. Оно, иначе говоря, является характеристикой состояния нашей и других людей исторической памяти. Афоризм живуч, потому как передает смысл одного из наименее заметных в политике, как прежде, так и сегодня, социально-политического мифа. Мифа вместе с тем очень важного для ее организации и управления ею. Речь идет о *мифе политической функциональности исторической памяти человека*, а также *исторической памяти общества*, к которому этот человек принадлежит.

Миф политической функциональности исторической памяти – это *стереотипное представление субъектов политики (часто, как это свойственно социальным мифам, еще и окрашенное яркими позитивными и негативными эмоциями этих конкурирующих субъектов) о том, что устойчивая и содержательно богатая историческая память социума является тем необходимым и достаточным ресурсом, а также инструментом внутренней и внешней политики, за счет использования которого общество и государство получают возможность решить самый широкий спектр своих задач и тем самым направить политический процесс в нужное им русло.*

В самом этом определении уже в известной мере заключено объяснение причины, по которой участники политического процесса, при всех его поворотах и трансформациях, были, есть и будут привержены упомянутому мифу. Любой человек и любое общество, живущие политической жизнью, более или менее постоянно нуждаются в мотивации своего политического участия. Мифологические представления о свойствах человеческой исторической памяти являются в этом смысле очень убедительным аргументом. Историческую память миф представляет ресурсом участия и человека и общества в политике, объем и качество которого, а также порядок использования для решения политических задач они *сами, по своей воле* (что

особенно важно в условиях демократического процесса) могут для себя определять. Это если руководствоваться представлением о «свободе» как «осознанной необходимости», «ресурс свободы» современных обществ и индивидов. Он помогает им точнее определить для себя границы желаемого и возможного в своем политическом участии, а также определиться с выбором средств для него. Миф, таким образом, получает себе подкрепление в довольно распространенном во все времена взгляде на политику как на преимущественно волевой акт присвоения властной функции и применения властных полномочий.

В мифологизированном сознании субъекта политики его историческая память, управляемая его волей, становится уникальным по своим возможностям «стратегическим резервом» политики. Уникальным в том смысле, что задействовать его для легитимации и достижения поставленных целей субъект политики имеет возможность даже тогда, когда использование других ресурсов политики ему по каким-то причинам недоступно или невыгодно. В России и за рубежом оправдание политиками и политологами, и даже рядовыми гражданами своих мыслей и действий ссылками на «заветы предков», «историческую справедливость/несправедливость», «долг перед памятью предков», «приверженность традициям» и т. д. – это сегодня стандартная практика политических коммуникаций.

У мифа политической функциональности исторической памяти имеется еще одно привлекательное свойство, расширяющее возможности его применения для решения различных политических задач. Он не конфликтует с привычным для современного человека представлением о политике как области рациональных идей и рациональных практик. Одной из естественных основ функционирования любого современного общества является фактическое согласие большинства его членов относиться к деяниям предков как к практически ценному опыту. Именно опыту, т. е. совокупности решений, не всегда себя оправдывавших в прошлом, но всегда имевших рациональную мотивацию, а потому доступных изучению и пониманию потомками. Понимание позволяет людям извлечь из упомянутого опыта уроки, закрепить их в своей исторической памяти и ориентироваться на них в решении актуальных проблем политики. Историческая память благодаря этому преимущественно рациональна по своему строению и содержанию. Миф политической функциональности исторической памяти объясняет субъектам политики, почему, используя свою историческую память в качестве ресурса и инструмента решения проблем текущей политики, они поступают максимально рационально.

В обществах, особенно «модернизированных», время от времени оживают настроения и

делаются соответствующие попытки подвергнуть свой и своего государства исторический опыт научной и публицистической критике. С подобной ситуацией в 90-е гг. прошлого столетия столкнулось, в частности, советское общество. Оно, с подачи своих интеллектуальных и властных элит, встало на путь ускоренной либеральной модернизации. Выбор этот подразумевал, что ради достижения в кратчайшие сроки привлекательных политических и экономических результатов общество должно ощутить себя свободным от бремени советского опыта. В результате в течение нескольких лет проблематика ликвидации «белых пятен» и «черных дыр» в исторической памяти советских людей находилась на передовом рубеже повестки публицистических, научных и политических дискуссий. Дискуссии эти показали, что даже критики советского политического опыта, если они относились к своему делу с добросовестностью профессиональных историков, экономистов и публицистов, обычно не подвергали сомнению его рациональность и ценность, прежде всего ценность в качестве источника уроков. Уроки эти, настаивали критики, новыми поколениями должны быть поняты и усвоены. Для современных людей они являются гарантией от повторения ошибок предшественников.

Некоторые специалисты, участвовавшие в этих дискуссиях, уже в то время заметили, что фактически попытки «демифологизировать» историческую память постсоветских общества и элиты, сделать ее более рациональной и более насыщенной «уроками истории», чем она была в советское время, дают противоположный эффект¹. Доверие общества и элит к показаниям своей исторической памяти как ресурсу и инструменту решения конкретных проблем политики только растет, и, соответственно, миф политической функциональности исторической памяти укрепляет свои позиции в массовом сознании.

В современных политических коммуникациях существует традиция отождествлять любой социально-политический миф с ложью, идейной диверсией и тому подобным из мира «черных» политических технологий. Из повседневных политических коммуникаций и публицистики эта негативная интерпретация переключалась в научные тексты. Политические процессы, происходившие в Старом и Новом свете, заставляют усомниться в правильности таких оценок. Наиболее показательным примером в этом смысле является процесс становления наций и национальных государств в Новое время. Историческая память в этом процессе была одним из главных ресурсов для конструирования «национальных идей» и для определения «сфер жизненных интересов» политических новообразований².

В Европе и России этот исторический период был сопряжен с религиозными, этническими,

революционными конфликтами, захватом и переделом колоний. В таком сложном политическом контексте часто сама историческая память становилась полем конфликтов национальных школ в исторической науке и информационных войн, направленных на дискредитацию культурной и этнической идентичности обществ-конкурентов. С этими обстоятельствами связано разнообразие динамики процесса нациестроительства и путей, которыми различные нации шли к созданию собственных государств. Французы, англичане, испанцы, португальцы и голландцы, например, усилиями протестантского и католического духовенства, которые поддержали национально ориентированные деятели науки и искусства, в течение века-полутора превратили свои государства-нации в эталоны «рациональной и просвещенной политики» и примеры для подражания. Кроме того, свои государства-нации они сделали метрополиями огромных колониальных империй. Право господствовать над народами колоний (Киплинг) они мотивировали цивилизаторской миссией, возложенной на них самой историей и успешно реализуемой ими благодаря тому, что их коллективная историческая память устроена рационально и потому является уникальным и практически ценным хранилищем величайших достижений мировой цивилизации от библейских времен до наших дней.

Более сложным путем к созданию нации и национального государства шли народы Балкан и Восточной Европы, а также немцы и наши предки. Их национальные государства начинали формироваться, затем порой разрушались или поглощались соседними государствами. Но потом процесс создания наций-государств продолжался, чтобы получить свое завершение уже в Новейшее время, в частности, по итогам Второй мировой войны. Тем не менее, их готовность в создании своей новой политической идентичности опереться на показания своей исторической памяти тоже себя принципиально оправдала.

В Новейшее время миф политической функциональности исторической памяти взяли на вооружение элиты и общества, выбравшие для себя путь борьбы за освобождение от колониальной зависимости и создания собственных национальных государств³. Как показал XX век, воспользовались они этим мифом вполне рационально и успешно. Стереотипные сюжеты колониальной истории Африки, Индии, Индокитая, Латинской Америки и негативные и эмоциональные оценки последствий колониальной политики, тиражировавшиеся в политических коммуникациях внутри туземных элит и между элитами и простонародьем, обеспечили уровень солидарности «верхов» и «низов», достаточный для обретения государственного суверенитета и национальной идентичности.

В наше время, по следам распада СССР и «социалистического лагеря» в Восточной Евро-

пе, интерес демократически ориентированных гражданских обществ и властных элит к своей исторической памяти и ее использованию для нужд внутренней и внешней политики вырос многократно. В странах Балтии, в Литве, Польше, Украине, Венгрии и Чехии активность и разнонаправленность применения этого ресурса и инструмента сегодня таковы, что для обозначения новой ситуации специалисты ввели в научный и публичный дискурсы понятие «политика памяти». В разных странах сегодня «политика памяти» обладает некоторой спецификой. Тем не менее, во всех случаях она представляет собой поисковую практику. Ее смысл и пафос определяет стремление обществ и элит найти и аргументами из резерва исторической памяти легитимировать альтернативу прежней, советской стратегии демократического развития. Иначе говоря, политика эта сегодня приобрела популярность как средство проложить путь в «светлое будущее» и наметить для ныне живущего поколения граждан его, будущего, принципиальные ценностные, институциональные и эстетические контуры.

Миф политической функциональности исторической памяти в этих условиях стал средством убеждения гражданских обществ и элит, что их историческая память достаточно надежна, чтобы гарантировать им чаемое постсоветское будущее. Надо только поддерживать ее в максимально работоспособном состоянии и защищать от покушений на ее целостность и уникальность извне.

С формальной точки зрения, у многих современных государств и обществ есть все необходимое, чтобы системно и результативно эту задачу решать. Есть институты образования и науки, есть информационные технологии и СМИ, есть многочисленные и хорошо устроенные «места памяти» (памятники, мемориалы, музеи и т. д.). Есть, наконец, развитая система каналов внутрисоциальной коммуникации, по которым осуществляется обмен воспоминаниями об истории семьи, общества и государства между поколениями граждан.

В условиях нынешней либерально-демократической политики, российской в том числе, задача эта решается трудно. Широкий спектр проблем особенно ярко высветили информационные войны, активизировавшиеся во всем мире и в особенности на постсоветском пространстве с началом XXI в. Войны эти шли и в прошлом веке, и во все предшествующие столетия. Обычно в фокусе противостояния участников таких войн были поворотные моменты истории и их альтернативные трактовки. Иначе говоря, обсуждению подлежало то, что в условиях «горячих» и «холодных войн» позволяло противостоящим сторонам перераспределять между собой «исторические заслуги» и «историческую ответственность» за все, что происходило и происходит в

мире политики. Этому привычному порядку использования политического функционала исторической памяти последовали и постсоветские элиты нашей страны, а также стран Восточной Европы в период раздела политического и экономического наследия СССР и социалистического содружества. Политический и экономический ущерб, который в ходе раздела понесла Российская Федерация, был во многом предопределен готовностью российской политической элиты 1990-х гг. ради быстрее разрушения советской политической системы и сближения с Западом взять на себя максимум «исторической ответственности» и минимально претендовать на какие-либо «исторические заслуги».

Теперь же в информационных войнах, особенно на постсоветском пространстве, обнаружилась новая тенденция. Значительно чаще, чем прежде, предметом конфликтов и главным оружием борьбы в них сегодня выступают не альтернативные трактовки важных событий и процессов в мировой истории. На первый план вышли различные, действительные и мнимые, «исторические» обиды и претензии, символические демарши⁴, а также провокационные заявления политиков и общественных деятелей, с одной стороны, и опровержения на них, с другой стороны. В канун празднования 75-летия Победы СССР над гитлеровской Германией и сразу после по мировому информационному пространству прошла буквально волна официальных и неофициальных заявлений такого свойства. Кроме того, в последнее десятилетие в этих войнах актуализировались проблемы вандализма, т. е. демонстративных осквернений и разрушений «мест памяти», осуществляемых как по личной инициативе граждан, так и по инициативе муниципальных и государственных властей различных стран на постсоветском пространстве⁵.

Слабее, чем в международных отношениях, но и во внутрироссийской политике тенденция тактических манипуляций исторической памятью в режиме «войны с памятниками» тоже заявляет о себе. То установка памятника первому русскому царю в г. Александрове (исторической Александровой слободе) послужит поводом к взаимным обвинениям граждан и политиков в неуважении к прошлому и симпатиям к тиранической власти. Памятник, следует заметить, поставили еще в 2017 г. Потом его демонтировали по причине несогласия в рядах политиков и общественности, и наконец в 2019 г. повторно торжественно открыли под аккомпанемент все той же непримиримой словесной войны «патриотов» и «либералов»⁶. То вдруг в другом российском регионе разгорается конфликт по поводу законности и исторической оправданности установки бронзового бюста адмирала А. В. Колчака⁷. А протесты против реконструкции конного памятника Г. К. Жукову на Манежной площади в Москве уже приобрели некоторую периодич-

ность: появление очередной публикации на эту тему рождает очередной конфликт архитекторов, искусствоведов и равнодушных граждан⁸. Во всех упомянутых случаях противостоящие стороны обвиняют друг друга ни больше ни меньше как в покушении на самые основы национальной исторической памяти, представляют друг друга заведомыми врагами всякой «правды» и «справедливости».

Порой энтузиазм российских политических активистов в деле тактических манипуляций исторической памятью вообще выходит за рамки разумного. Например, в канун празднования 75-летия Победы в разных городах РФ некие «оппозиционно» настроенные активисты предприняли попытки разместить на сайте «Бесмертного полка» фотографии нацистских преступников⁹. В ряде случаев им это удалось. Всех их быстро нашли и привлекли к ответственности. Остается гадать, как подобная манипуляция с исторической памятью российских граждан помогла бы возродить в последних симпатии к ценностям либеральной идеологии и сторонникам либеральной политики? Вероятно, полагали провокаторы, надругательство над исторической памятью сограждан спровоцирует у последних недоверие к институтам власти, которые формально все контролируют, а реально допускают такие «проколы» в контроле массовых политических коммуникаций.

Провокация никогда не была и не может быть политической стратегией. Она – технический инструмент политики, причем не самый надежный. Она всегда была и остается сегодня средством локального воздействия на политические процессы. С учетом этого понятен интерес разного рода провокаторов и в России, и за ее пределами к использованию исторической памяти именно как тактического ресурса политики. Они действуют по принципу «от противного»: если институты государства выступают в роли защитников незыблемости исторической памяти граждан России, то противники этих институтов берут на себя роль ее осквернителей.

Нынешняя высокая конфликтность российской «политики памяти» и интерес ее субъектов к тактическим манипуляциям с социальным знанием о прошлом и с символическими атрибутами такого знания («местами памяти», образами политических лидеров и т. д., оценками «знаковых» событий прошлого) имеют другую, более фундаментальную природу. Они являются частным случаем общей проблемы всей современной либерально-демократической политики – в ее нынешних неолиберальных и неоконсервативных измерениях в особенности. А именно – проблемы все более ускоряющегося в условиях глобализации *ослабления потребности современных социально-политических систем в использовании своей исторической памяти для решения главной политической задачи – опре-*

деления контуров будущих состояний и взаимоотношений государств и обществ, а также доказательства возможности и необходимости их движения к этому будущему. Не тому будущему, которое наступает в силу естественного течения физического времени, а будущему как существенно иному, более безопасному и более комфортному для людей, чем сейчас, состоянию их политического общежития. Будущему как *ожидаемому результату прогресса политики.*

Современные «западные» либерально-демократические социально-политические системы вышли на тот уровень политического и экономического комфорта, безопасности от внешних угроз, двигаться дальше которого – значит рисковать достигнутым. Другие, как, например, российская и постсоветские социально-политические системы, на этот уровень не вышли, но всеми силами и способами стремятся выйти. Пытаются во всем максимально соответствовать либеральному «стандарту цивилизованности», сформированному на основе наблюдения за опытом соседей по геополитическому пространству. Этот «стандарт» и свои усилия ему соответствовать они отождествляют с «прогрессом политики»¹⁰. Для тех и других двигаться дальше и рисковать достигнутым либо реально достижимым лишено практического смысла – это неоправданный риск. Практического смысла, следовательно, лишена актуализация в политических и научных дискурсах, во всей системе политических коммуникаций проблемы стратегических политических альтернатив нынешнему либерально-демократическому порядку. Актуально обсуждение проблем сохранения и укрепления этого порядка ради безопасности и комфорта нынешних и будущих поколений.

Да, нормальная политика, как постоянный конфликт интересов и сил, должна включать в себя борьбу граждан и властных элит за разнообразные изменения. Она должна включать в себя и сами изменения. Это либерально-демократическая политика в большинстве случаев признает и реализует эту норму посредством своих институтов и практик. Либеральная политика, как показывает история последних десятилетий, лояльна даже к покушениям на изменение своих же базовых принципов. Раньше, например, в ней оправданием принятому решению служила воля гражданского большинства. Теперь же во многих случаях, особенно когда речь идет о правовом регулировании внутренней политики современных демократических государств, решения принимаются в интересах различных гражданских меньшинств как потенциального источника рисков для стабильности в общественном и государственном порядке. В этом случае лояльность гражданского большинства интересам гражданских меньшинств подается участниками публичных коммуникаций как разумная плата за собственную безопасность и

комфорт. Другой пример – «общечеловеческие ценности», в последние десятилетия усиленно продвигавшиеся либеральными элитами в политическую сферу в качестве альтернативы ценностям нации. У самостоятельных наций ценности могут быть разными, и эти различия способны генерировать конфликты. По поводу «общечеловеческих ценностей» политические и идеологические баталии вести некому, не с кем и незачем.

В условиях либеральной политики (что делает ее особенно привлекательной для многих людей в современном мире, в полном смысле символом прогресса цивилизации) возможны, по крайней мере – потенциально, любые изменения, до которых только человек может додуматься, может найти поддержку своих инициатив у окружающих и это «общественное мнение» узаконить. Главное, чтобы политические замыслы наших современников и их действия по оптимизации пространства своего политического бытия не выходили за границу, прочерченную современными либеральными политическими теорией и практикой, не ставили бы достижения современной (конечно же «западной» в первую очередь) цивилизации «под угрозу».

В таких условиях масштабная и прочная историческая память современных обществ и элит, а уж тем более их вера в стратегические ресурсы возможности своей памяти, воплощенная в мифе ее политической функциональности, представляет собой угрозу существующему либерально-демократическому порядку представлений и действий. Историческая память постоянно сеет в людях и обществах сомнения в правильности порядка их политической жизни. Она постоянно убеждает, что эта жизнь, в принципе, может быть другой при другом раскладе объективных и субъективных факторов. Она им постоянно подсказывает, что надежды построить на Земле «тысячелетнюю либеральную империю» по своим практическим результатам мало, скорее всего, будут отличаться от надежд предшественников основать «Тысячелетнее Царство Христово», «тысячелетний Рейх» либо, как пелось в известной песне советской поры, сделать так, чтобы хватило «у советской власти силы на века». Для современной либеральной политики историческая память гражданских обществ и властных элит, особенно мифологическое отношение к ней, представляют собой угрозу, которую желательно купировать.

«Политика памяти» в режиме постоянной суеты вокруг «мест памяти», практически непрерывных разборок между деятелями политики, науки и культуры по поводу исторической и политической терминологии оценок событий и личностей прошлого, перерастающих в европейскую и мировую «войну за историю», является, в сущности, средством решения этой задачи. Субъекты современной либерально-де-

мократической политики в интересах собственного блага приучают себя к мысли, и по большей части уже с нею свыклись, что главное, на что пригодна их историческая память, это быть неисчерпаемым источником поводов для ситуативных конфликтов, при помощи которых в современных политических процессах маркируются расстановки интересов, сил и ресурсов. То есть она – не более чем тактический ресурс современной либерально-демократической политики. А проектированием будущих состояний мира и отдельных государств и обществ должны заниматься исключительно профессиональные футурологи и соответствующие «мозговые центры», гарантированно лояльные принципам либерально-демократического мироустройства¹¹. Миф политической функциональности исторической памяти становится в таких условиях все больше мифом ее политической малофункциональности.

В свете этой тенденции то, что сегодня происходит в сфере целеполагания российской политики, напоминает трехсторонний «общественный договор» между гражданским обществом, властной элитой и научной элитой. Договор этот формулируют экономически развитые либеральные демократии, а те, кто, подобно России, намерен достигнуть их уровня благосостояния, к нему присоединяются и подтверждают присоединение, в том числе своими намерениями и действиями в рамках «политики памяти». Они возрождают и тщательно охраняют свою историческую память, особенно в той ее части, которая связана с героическими страницами истории государства и общества. Но используют ее исключительно в рамках решений текущих задач политики, связанных с легитимацией институтов власти, политическим воспитанием граждан, реагированием на конфликты с соседями по политическому пространству. Формальным предметом договора является проблема будущего либерально-демократического политического процесса в нашей стране. Но условие «договора» таково, что граждане не ставят перед элитами вопрос о стратегии постлиберального развития России. Элиты, в свою очередь, своей просветительской и политико-воспитательной активностью не пытаются их на этот вопрос провоцировать. Публичный дискурс властно-общественных коммуникаций выстроен вокруг «осевой структуры» исторической памяти. В случае с нашей страной это воспоминания нынешнего поколения граждан о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны. В дискурсе этом звучат (что естественно для страны с такой богатой историей, какой является Россия) и проблемы других исторических периодов. Но звучат не так интенсивно и не так по-современному политично (можно сказать, не так идеологично), как это происходит с проблемами советской истории середины XX столетия.

По смыслу упомянутого «договора» новации в современной и будущей российской политике, в принципе, не исключены. Они даже ожидаемы элитой и особенно гражданским обществом. Но они не должны выходить за рамки «модернизации» уже существующих политических, экономических и правовых систем. Во многих «западных» и «восточных» современных государствах с либерально-демократической системой управления ожидания перемен присутствуют в повестке массовых коммуникаций и электоральных кампаний. Ту же картину можно наблюдать и в России. Постоянно требовать от власть предержащих крупных и мелких «перемен к лучшему» – это сегодня либеральная норма функционирования «правильного» гражданского общества. Российские политические партии, например, включая так называемую «системную» оппозицию, свою стратегию и тактику сегодня выстраивают в полном соответствии с этой нормой.

Только все эти «перемены к лучшему», по логике «договора», должны быть понятны участникам политики, управляемы ими и безопасны для них. В мире плохо осознаваемых и плохо контролируемых угроз экологических катастроф, кризисов обеспеченности людей продовольствием, питьевой водой, медицинской помощью и т. д. политика получает шанс стать олицетворением цивилизации. То есть способности человека обустроить окружающий мир и собственную жизнь в нем согласно своим представлениям о комфорте и безопасности. Политический процесс сегодня не должен, подразумевает «договор», развиваться так, как это было в прошлые столетия, по своим собственным «объективным законам», т. е. трудно предсказуемо и рискованно. Российская история великая и славная, но много в ней такого, повторение чего для сознательного гражданина современной РФ не выглядит желательным. По-настоящему современная политика должна в лучшую сторону отличаться от политики в прошлом, как в России, так и за ее пределами, своим качеством «стабильности» и предсказуемости.

Пока действует такой трехсторонний «общественный договор» трудно ожидать, что, вопреки тенденциям мировой политики, в российской политике, в российских научных и политических дискурсах актуализируются проблемы «постлиберального» политического процесса. Больше оснований предположить, что место, которое в повестке политических коммуникаций в идеале должны были бы занимать вопросы определения стратегических перспектив российских общества и государства, еще долго будут занимать дискуссии политиков и политологов на тему: можно ли в России создать правовое государство и гражданское общество либерального «западного» типа, если к этому нет объективных и субъективных исторических предпосылок?

Проторенным путем будет осуществляться тактическое использование ресурсов российской исторической памяти в «политике памяти» и в разнообразных «войнах за прошлое». Даже вселенская борьба с эпидемией коронавируса, в которой участие приняли российские элиты и гражданское общество и которая фактически ребром поставила в повестку российских публичных дискуссий проблему системных недостатков политического и административного управления, и та не смогла изменить к лучшему сложившуюся ситуацию. На фоне повышенной активности бюрократических структур в борьбе с инфекцией и в «дисциплинировании» граждан в условиях «самоизоляции» заметно активизировались выступления экспертов из числа политиков, политологов и деятелей медиасферы на тему неизбежного наступления в политике, экономике, социальной сфере и массовых коммуникациях «новой нормальности»¹². Живой отклик эти разговоры получили в социальных сетях. Однако дальше создания термина «новая нормальность» политические прогнозирование и проектирование не продвинулись.

Проблема в том, что все это видимые предпосылки кризиса целеполагания современной и будущей российской политики. Этот кризис неизбежно возникнет в том случае, если современный мир столкнется с проблемами чуть большего масштаба и глубины, чем проблемы, возникшие по следам пандемии 2020 г. Уже пандемия вывела образцово-показательные «западные» демократии из состояния стабильности и уверенности в своей безопасности и в вечности своего комфортного существования в режиме растущего потребления благ. Несколько больший уровень проблем вполне способен дискредитировать институты гражданского общества и правового государства в Европе и США, которые играют сегодня роль цивилизационного «стандарта». Прогнозируема ситуация, когда в условиях системного кризиса «западной» либеральной демократии ее нынешние апологеты станут ее главными и непримиримыми критиками и гонителями. Им нужно будет расчищать пространство политических коммуникаций от накопившихся там, не без их участия политических «мифов», «предрассудков» и «заблуждений» относительно былых достижений либеральной демократии.

Российскую социально-политическую систему (либерально-демократическую по форме, а в некоторых моментах и по сути) такой сбой в функционировании окружающего политического пространства просто и неизбежно оставит без всяких ориентиров существования и всяких надежд на лучшее будущее, которые могли бы послужить основой восстановления доверия и коммуникаций между гражданами и властной элитой в «постлиберальном» мире. По объективному течению обстоятельств «постлиберальная» российская политика должна будет либо

выбрать свои ориентиры прогресса (над которыми пока никто из политиков и политологов серьезно не работает), либо, что более вероятно, совершаться в режиме инерции принципов, практик и технологий – фактически в режиме блуждания без цели и смысла и поиска точек опоры «методом тыка». Хотелось бы надеяться на быстрое прохождение страной этой фазы «безвременья» политического процесса. Не менее вероятно вместе с тем, что при отсутствии в запасе у общества и элиты не только готовых проектов политического будущего, но даже уверенности в достаточности и функциональности своих представлений о политическом прошлом это «безвременье» затянется. Тогда оно породит не новые формы и принципы политической организации, а общий кризис доверия людей к политике как одной из повседневных практик. О последствиях можно судить на примере того, что произошло с религиозными практиками в современном мире, которые на протяжении веков прежде были во многих случаях для людей важнее политики. Мир поделился на тех, кто верит в силу и ценность религиозных практик, и тех, кто их отвергает. Тот же расклад возможен и в отношении современных людей к политике. Мир внезапно может поделиться на тех, кто политику признает, верит в ее возможности сделать жизнь людей другой, и их оппонентов, отвергающих политику в принципе. Вот тогда, действительно, наступит в полном смысле «новая нормальность».

Примечания

- 1 См.: *Согрин В. В.* Либерализм в России конца XX века : перипетии и перспективы // Русский либерализм : исторические судьбы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. М. : РОССПЭН, 1999. С. 151–166 ; *Фурсов А. И.* Мифы перестройки и о мифах перестройки // Социс. 2006. № 1. С. 31–36 ; *Никитинский Л. В.* «Миллион терзаний» заблудшего интеллигента (поправки к парадигме) // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 108–120. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/17740226/> (дата обращения: 28.03.2020).
- 2 См.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М. : ИКД «Зерцало-М» ; ИД «Вече», 2005. (Исследования по всемирной истории) ; От nationes Средневековья к нациям Нового времени на Западе и Востоке Европы. URL: <https://medieval.hse.ru/news/171049385.html> (дата обращения: 09.04.2020).
- 3 См.: *Литинский А. Л.* Образы африканского прошлого и самосознание афроамериканцев в XX в. // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. 2007. № 4. С. 74–84 ; Национальная идея. Страны, народы, социумы : сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Оганисян. М. : Наука, 2007.
- 4 См.: Фонтан «Три председателя мочатся на Боснию и Герцеговину» стал поводом для скандала. URL: zen.yandex.ru/media/ruserbia/fontan-tri-predsedatelia-mochatsia-na-bosniiu-i-gercegovinu-stal-povodom-dliaskandala-5ec3b432f7249d56194dcddd (дата обращения: 19.04.2020).
- 5 См.: Чехия официально отказалась передать России снесенный памятник Коневу. URL: https://yandex.ru/news/story/CHekhhiya_oficialno_otkazalas_peredat_Rossii_snesennyj_pamyatnik_Konevu--7199edf72e4e1e84d91f1d230c8cde14?fan=1&from=newswizard&persistent_id=97886351&wizard=story ; Жители Болгарии предложили взорвать памятник русскому солдату «Алеша». URL: https://topcor.ru/14408-zhiteli-bolgarii-predlozhili-vzorvat-pamjatnik-russkogo-soldatu-alesha.html?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=topcor.ru&utm_term=1271193&utm_content=8484659 (дата обращения: 19.04.2020).
- 6 См.: Назло гозманам : в России установили памятник Иоанну IV Грозному... URL: <https://inforuss.info/nazlogozmanam-v-rossii> (дата обращения: 10.04.2020).
- 7 См.: *Шушпанов А.* «В лучших традициях НКВД». Почему в Башкирии демонтировали бюст Колчака? URL: https://ufa.aif.ru/society/details/v_luchshih_tradicijah_nkvd_vlasti_bashkirii_demontirovali_byust_kolchaka?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 18.04.2020).
- 8 См.: Ноги на восстановленном памятнике Жукову удивили блогера. На Манежную площадь вернули по всем признакам «старого» маршала, а куда делся «новый» – не понятно. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/04/24/nogi-na-vosstanovlennom-pamyatnike-zhukovu-udiviliblogera.html> (дата обращения: 17.04.2020).
- 9 См.: *Алкисис И.* Оскорбление памяти предков как метод политической борьбы. URL: https://ria.ru/20200518/1571581563.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 18.04.2020).
- 10 См.: *Вилков А. А.* Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия» : Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей : материалы междунар. науч. конф., Москва, 22 марта 2004 г. / редкол. : А. П. Логунов (отв. ред.) [и др.]. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2004. С. 157 ; *Головченко А. В.* Перспектива «стандартов» современной либеральной политики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 75–80.
- 11 См.: Запад не видит будущего у России. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e274bc843863f00acd7ed97/zapadne-vidit-buduscego-u-rossii-5ec62f9dc4fe1e295a7c762c> (дата обращения: 19.04.2020).
- 12 См.: Глава Роспотребнадзора пообещала россиянам новую нормальность. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/04/27/glava-rosпотреbnadzora-poobeshhalagrossiyanam-novuyu-normalnost.html> ; Россиянам пообещали совершенно иную жизнь после окончания пандемии. URL: https://yandex.ru/news/story/Rossiyanam_poobeshhali_overshenno_inuyu_zhizn_posle_okonchaniya_pandemii--4796edc4e2e7a609e170f4c5e4ab8c2d?from=newswizard&lang=ru&persistent_id=95745488&rubric=society&stid=U4ZTze4bvMuOw_LzfpCQ&wizard=story ; Ректор ВШЭ :

«Мы согласились пожертвовать экономикой из-за тотальной усталости». URL: <https://ekb.dk.ru/news/rektor-vshe-my-soglasilis-pozhertvovat-ekonomiko-iz-za-totalnoy-ustalosti-237135463> (дата обращения: 19.04.2020) ; Кузнецов Г. Жизнь главное свободы.

URL: https://rg.ru/2020/04/26/eksperty-zov-po-silnomu-gosudarstvu-novaia-tendenciia-obshchestvennogo-soznaniia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 16.04.2020).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Миф политической функциональности исторической памяти в современных условиях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 324–332. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332>

Cite this article as:

Shestov N. I. Myth of Historical Memory's Political Functionality in the Present Context. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 324–332 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-324-332>
